

Дверь слегка приоткрылась, и в комнату, озираясь по сторонам, прошмыгнула знакомая фигура.

— Ты? Как ты здесь оказался?

Юлан, промокший до нитки, выглядел как водяной дух. Увидев сидящего на стуле Императора, он испуганно вздрогнул и замахал руками, пытаясь оправдаться:

— Я... я не вор! Я просто лазил по деревьям, ветка сломалась, я упал в воду, а потом доплыл сюда... Решил посмотреть, нет ли тут чего интересного... Ой, нет-нет! Я просто зашел взглянуть, я не ворую!

— Позвать... позовите стражу, — голос Императора, и без того холодный, сейчас звучал так тихо и низко, что казался особенно зловещим.

От исходящего от него холода даже Юлана пробрала дрожь. Он суетливо заерзал:

— Нет, нет, не надо стражу! Зачем стражу? Я же сказал, что я не вор!

— Стража! Стражу сюда... — Император пытался кричать, но из горла вырвался лишь жалкий хрип, едва громче жужжания комара.

Юлан с подозрением уставился на него:

— Ты что, снова хочешь разграбить особняк Девятого князя? Ну ладно, в принципе, это возможно, но дай мне хотя бы день, чтобы я успел вывезти свои запасы.

— Стражу...

— Да хоть десять раз стражу! Я ничего не делал, просто упал с дерева в воду и приплыл сюда!

...

Пожалуй, во всем мире только Хэ Юлан мог довести Девятого и Пятого Владыку до такого отчаяния.

— Тогда... позови Девятого младшего брата.

Девятый младший брат — человек свой, он сохранит всё в тайне. Юлан украдкой высунул язык. Плохо дело, старик-Император совсем вышел из себя. Юлан уже однажды пострадал от него и прекрасно помнил этот взгляд. В этих свирепых глазах явно не сулило ничего хорошего.

Он тут же перевел тему:

— Эй, тебе холодно? Зачем ты прикрыл пояс одеждой?

Лицо Императора резко изменилось, он плотно сжал губы.

— Эта одежда... кажется, она принадлежит принцу Цан Нуо...

— Убирайся! — Императора, казалось, вот-вот хватит удар.

Если Юлан увидит, что скрывается под одеждой, ради чести королевского рода и достоинства Императора ему придется убить Юлана и всех, кто услышит об этом происшествии. А убийство Юлана равносильно убийству Девятого младшего брата. Но прежде чем он доберется до Юлана, этот невоспитанный мальчишка, чего доброго, разнесет весть по всей столице. Чтобы скрыть позор, пришлось бы вырезать весь город...

— Чем дольше смотрю, тем больше она похожа на его... — бормотал Юлан, вытягивая шею, чтобы разглядеть получше.

— Не смей приближаться! — Император, будучи на грани того, чтобы потерять сознание от гнева, собрал остатки воли и выпалил: — У меня есть награда для тебя!

— Награда? — рука Юлана замерла в воздухе.

— Я верну тебе то, что даровала Вдовствующая императрица сегодня.

— О? — Юлан подозрительно прищурился. Его настороженность возросла. С чего бы такая щедрость? Тут явно какой-то подвох!

Император, чье лицо покраснело от усилий, быстро сообразил, о чем думает парень:

— Я даже позволю Девятому младшему брату целый месяц не ходить на утренние доклады и не являться во дворец, чтобы он мог остаться с тобой в особняке.

— Правда? — глаза Юлана засияли ярче звезд.

Целый месяц! Шэн-эр не придется спозаранку сбегать на службу, и его не будет похищать этот ненавистный Император в самые важные моменты. Они смогут вместе гулять! Может, даже получится съездить в Сучжоу. Такое искушение... даже если это ловушка, всё равно стоит рискнуть.

Почему же Император сегодня так добр?

— Просто немедленно приведи Девятого младшего брата сюда. Срочно!

Юлан моргнул. Даже он, не сильный в чтении лиц, почуял неладное:

— Эй, у тебя что, стряслось что-то серьезное? Нужна помощь?

Император проигнорировал его предложение:

— Скорее, ищи его!

Юлан выпятил грудь:

— Ты ведь все-таки второй брат Шэн-эр. Если что, я могу, так и быть, тебе помочь.

— Найди Девятого младшего брата! Приведи его сюда!

— Точно не надо моей помощи?

— Во дворец!

— А?

— Если будешь медлить, я издам указ, чтобы Девятый младший брат переехал во дворец на целый год!

Юлан скорчил гримасу и поспешил к выходу:

— Ладно-ладно, найду! Только не забудь, ты обещал, что Шэн-эр месяц будет свободен от службы.

Обернувшись, он увидел у моста стражу. Скрываться от них было бы глупо, поэтому, раз он приплыл вплавь, то так же и вернется. Он тихо соскользнул в воду и поплыл обратно к берегу.

— Ради тридцати сокровищ придется еще раз лезть на дерево, — Юлан выбрался на берег, отряхиваясь. — В этот раз выберу дерево покрепче. Шэн-эр, ну что за человек! Знает ведь, что я тут не ориентируюсь, играет в прятки, заставляет меня постоянно искать его по всей округе.

\*\*\*

Пришел? Нет. Почему же он всё еще не здесь?

Сердце Императора словно жарили на огне. Одевание, прикрывающее пояс, могло соскользнуть в любую секунду. Грубая киданьская ткань была куда неприятнее нежного шелка Небесной Династии, она натирала холеную кожу. И что хуже всего, эта грубость дразнила самые чувствительные места.

Великий правитель — и в такой нелепой ситуации!

Проклятые киданьцы! Смерть принцу киданьцев! И стражникам снаружи — тоже смерть!

Почему он всё еще не пришел?

Снаружи снова слышались шаги. Император впился взглядом в дверной проем. Дверь открылась и тут же закрылась. В неверном свете свечей Павильона Юнтань Император с силой моргнул.

— Ваше Величество, я вернулся.

Почему ты? Где Юлан? Где Девятый младший брат?

— Я пообещал хранить ваш секрет, поэтому не стал просить слуг — сам нашел чистые штаны.

Штаны. Хоть что-то. Утешение в этом несчастье.

— Позвольте мне помочь вам надеть их.

Хорошо. Когда я снова буду одет, когда действие яда пройдет...

— Однако... — Цан Нуо, присевший у ног Императора, вдруг остановился. Он поднял голову и искренне спросил: — Эти штаны было найти нелегко. Будет честно, если вы выполните одну мою просьбу в ответ.

Заговор! Конечно, заговор!

Где это видано, чтобы император из-за отсутствия штанов был вынужден идти на уступки? Лицо Императора исказилось от ярости. Но кто не умеет терпеть малое, тот погубит великое. Сейчас он не мог даже пошевелиться. Будь то раздел границ или поставки оружия — он согласится, а завтра просто откажется от своих слов. Свидетелей нет, доказательств он не

представит.

— Какая просьба? — голос Императора звучал низко, бархатно и с легкой хрипотцой, отдававшейся эхом в полумраке.

— Я хочу обнять вас. Прямо сейчас.

Сейчас? Похоже, военные законы Небесной Династии не предусматривают методов борьбы с варварами. Даже хитрость не сработала.

Даже привыкший к интригам Император опешил:

— Обнять?

Дикий, необразованный народ! Неужели они знают только физические контакты? Нельзя было выучить хоть немного этикета Небесной Династии?

— Можно?

Штаны в твоих руках, выбор невелик...

— Можно, — сухо и величественно ответил Император.

Все мы мужчины, объятие не беда. С остальным разберемся, когда яд выйдет из тела.

— Благодарю, Ваше Величество! — глаза Цан Нуо внезапно потемнели, заставив Императора содрогнуться.

Сильные руки легко подхватили Императора, перенесли и бережно уложили на мягкий ковер.

— Что ты... делаешь?

— Обнимаю.

Грубые мозолистые ладони скользнули под императорский халат с такой ловкостью, что трудно было поверить, будто это руки варварского принца. Движения были точными, выверенными. Легкое касание — и соски на груди Императора мгновенно затвердели.

— Отпусти! — у Императора, лишенного сил, остались лишь остатки былого величия.

Смех принца Цан Нуо звучал прямо у уха, горячее дыхание щекотало кожу.

— В Небесной Династии говорят: слово правителя — закон. То, на что вы согласились, отменить нельзя.

Наглость! Какая наглость! Как можно путать приличное объятие с тем, что происходит в спальне? Это ловушка!

— Ты смеешь... Я...

— Чжэн-эр.

— Что... — веки Императора дрогнули.

— Чжэн-эр, — принц Цан Нуо склонился над ним, развязывая пояса драконьего халата. — Тебя ведь зовут Чжэн-эр?

В пляшущем свете свечей фигура Цан Нуо казалась исполинской, словно от него невозможно было скрыться. Имя Чжэн-эр, сорвавшееся с его решительных губ, прозвучало на удивление естественно. На мгновение Император лишился дара речи.

У него, конечно, было имя. Раньше он был Вторым князем, Вторым братом... но вот уже много лет никто не звал его так ласково. Даже он сам почти забыл это имя. Его звали Чжэн-эр.

— Чжэн-эр...

Он думал, что никто больше не произнесет этого вслух. Даже Императрица, с которой они всегда держались подчеркнуто вежливо, никогда не осмеливалась так его назвать.

— Чжэн-эр... называть тебя так куда приятнее, чем Ваше Величество, — низкий голос, наполненный мужской силой, прозвучал властно.

Неужели это тот самый мягкий и учтивый принц-варвар?

— Ты... как ты смеешь называть меня по имени... — Император, чьи конечности всё еще не слушались его, выглядел растерянным, теряя последние крохи своего достоинства.

Цан Нуо усмехнулся:

— Я смею.

Одним движением он отшвырнул драконий халат — символ имперской власти. Лишенный ярко-желтой защиты, Император остался обнаженным. Его кожа, за которой так тщательно ухаживали дворцовые служанки, была безупречна, а под ней скрывались крепкие мужские мышцы.

— Я убью тебя! — в глазах Императора вспыхнула ненависть. Такой взгляд мог заставить любого придворного упасть на колени в мольбе о пощаде.

Цан Нуо лишь улыбнулся и поправил его:

— Сейчас ты не Ваше Величество. Ты просто Чжэн-эр.

Его голос звучал так мягко, что Император на секунду замер. Когда же Цан Нуо раздвинул его ноги, ужас осознания того, что кризис наступил, пронзил его насквозь.

— Ты не посмеешь... я казню тебя! Я устрою тебе мучительную смерть! Я пришлю войска на Кидань, я издам указ...

— Не Ваше Величество, — снова мягко поправил его Цан Нуо. — Чжэн-эр.

Он подался вперед, прижимаясь к тесному входу.

— Ты... ты смеешь...

— Я смею, — снова улыбнулся принц.

Он сделал резкое движение, и смазанный маслом плотный орган медленно вошел внутрь. Император издал болезненный стон. Его тело было бессильно, и лишь наполовину войдя, Цан Нуо заставил его почувствовать, будто он сейчас будет разорван на части этим горячим, чуждым предметом.

— Не бойся, — шептал Цан Нуо, целуя дрожащие губы. Он продолжал настойчиво двигаться вперед, пока не вошел до самого конца. Схватив край драконьего халата, он отер холодный пот с его лба: — Видишь? Я полностью внутри.

— Прочь... убирайся... — прошептал едва соображающий от боли Император.

— Убираться? — Цан Нуо слегка дернул бедрами.

При малейшем движении назад Император закричал:

— А-а... нет, не двигайся...

Цан Нуо замер, терпеливо спрашивая:

— Значит, убираться не надо?

Император, разрываясь между стыдом и яростью, понял: никакой он не дикарь, никакой не прямодушный воитель — он коварная лиса! Позор... Убить его, я должен убить его!

— Чжэн-эр, ты не знал? Я однажды видел тебя раньше.

— Не двигайся! Замри... нет... нет...

— У тебя такое красивое имя. Чжэн-эр, Чжэн-эр... это ведь какой-то изящный музыкальный инструмент в Небесной Династии?

— А-а... ты... я убью тебя!

— В моих глазах ты не Император. Ты — Чжэн-эр. Впервые увидев тебя, я услышал, как ты говорил свое имя цветам в саду. И тогда я подумал: этот человек предназначен мне судьбой.

— Нет... не надо...

— Судьба... как и ваши люди, мы, киданьцы, верим в судьбу. Но наши боги не любят, когда мы плачем, чего-то боимся. Наши боги любят, когда мы делаем то, что хотим.

— Так больно... Убей меня!

— Ты предназначен мне судьбой. Разве я могу убить тебя? Даже если однажды умру от твоей руки, я не причиню тебе вреда.

Два молодых мужских тела сплелись в одно целое. В тишине Павильона Юнтань повис запах пота и пороха. О подобных вещах он слышал и раньше — во дворце всегда хватало распутства. Еще до восшествия на престол он знал, что дядя-герцог Ань не брезговал ни женщинами, ни мужчинами. Стоило ему захотеть — и человека силой тащили в особняк.

Он сам с детства был окружен вниманием, сановники старались угодить ему, даря подарки. Бывало, он и сам принимал ласки от приглянувшихся мальчиков — для высокопоставленного человека в этом не было ничего особенного. Но он и подумать не мог, что быть «снизу» — это так больно!



Сильный толчок вернул его в реальность. Глаза Императора дрогнули — перед ним всё еще было это ненавистное лицо. Грубые, резкие черты, лишённые утонченности жителей Небесной Династии, но по-своему привлекательные. Кто бы мог подумать, что у такого мужлана хватит хитрости на всё это?

Его губы горели, грудь была сдавлена так, что невозможно дышать. Когда Цан Нуо наконец отстранился, Император жадно глотнул воздуха.

Цан Нуо обладал невероятной выносливостью. Он не прекращал своих движений ни на миг. Иногда он замедлялся, давая Императору короткую передышку, лишь чтобы в следующее мгновение вновь ворваться глубоко внутрь, доводя его до иступления.

Лицо Императора, покрытое испариной, выглядело необычайно изысканно в желтом свете свечей. Цан Нуо потратил немало усилий, чтобы заманить в ловушку самого высокопоставленного человека в стране.

— Тебе приятно? — голос Цан Нуо, с легким иноземным акцентом, звучал в комнате, словно шепот. — Чжэн-эр, тебе ведь нравится, когда тебя так целуют?

Языком он нежно обвел его глазное яблоко. Император молчал, плотно зажмурившись, но внутри него всё дрожало от запретного наслаждения.

— Чжэн-эр, тебе нравится...

— Заткнись! — Император, не выдержав ласкового обращения, выкрикнул это с такой яростью, на какую только был способен, но тут же сорвался на болезненный стон.

Движения внутри стали невыносимо глубокими.

— М-м... А-а! А... — Император запрокинул голову, пытаясь справиться с волной ощущений, пронзивших его от копчика до самого мозга.

— Это здесь? — заботливо спросил Цан Нуо. Он сам был на пределе, капли пота падали на обнажённую грудь Императора. — Чжэн-эр, ты прекрасен...

Император переживал адские муки. Глубоко внутри, в самой запретной точке, принц-варвар безжалостно играл его чувствами. Каждое касание высекало искры огня. Несмотря на наличие целого гарема, Император никогда не познавал ничего подобного.

— Это здесь, тебе очень приятно, правда? — Цан Нуо крепко обнимал своего Чжэн-эра, словно боясь, что тот исчезнет.

Он представлял это много раз. С того самого момента, как увидел его в саду Девятого князя, он грезил о том, какое выражение примет это холодное лицо в момент экстаза. Будет ли он морщиться? Разомкнет ли свои тонкие, вечно сжатые губы, чтобы выпустить стон? Будут ли его глаза, сияющие как бриллианты, подернуты пеленой наслаждения?

Реальность превзошла все ожидания. Его Чжэн-эр был подобен ожившей статуе из белого нефрита, дрожащей под ним в порыве чувств.

— Кричи, — нежно прошептал Цан Нуо. — Не держи это в себе. Кричи, если тебе нравится.

Смешанное чувство боли и наслаждения разрывало Императора. Он отчаянно мотал головой, сжимая зубы:

— Нет... Я... Я...

— Не Ваше Величество, а Чжэн-эр. Мой хороший Чжэн-эр... — Цан Нуо продолжал шептать нежности...

Двое мужчин достигли пика одновременно, после чего наступила тишина. Цан Нуо всё еще стоял на коленях, прижимаясь к нему. Остаточное наслаждение разливалось по телам.

Император сделал несколько глубоких вдохов, возвращая себе рассудок. Похоже, действие яда ослабло — он мог слегка пошевелить конечностями. Искоса он заметил, что принц, только что так яростно двигавшийся в нем, приник к его груди, слушая сердцебиение, и тихо посмеивался.

— Чжэн-эр, тебе хорошо? — в его голосе слышалась бесконечная радость.

Император хотел пнуть его, но при звуке этого смеха вдруг замер. Цан Нуо сел, осторожно поднимая его на руки.

— Я знаю, тебе было хорошо. Пусть так и будет. Наложницы в твоём дворце — словно куклы, они не могут доставить тебе такого удовольствия, я видел это и изнывал от зависти. Если захочешь — зови меня, я буду приходить и делать тебе хорошо.

Голова Императора пошла кругом. Что значит — видел? Неужели он мог следить за ним даже там, где сотни стражников?

Цан Нуо, не обращая внимания на его мысли, нежно целовал его:

— Мне пора. Мои люди ждут. Не грусти, я не брошу тебя. Впредь, когда тебе будет скучно, когда тебя будут злить придворные или гарем — не терпи. Зови меня, я приду.

Он снова раздвинул ноги Императора. Тот вздрогнул, решив, что всё начнется сначала, и вскрикнул:

— Ты смеешь!

Действие яда почти прошло, голос Императора стал громче и хриплее. Но он не мог позвать стражу — какой монарх захочет предстать перед подданными обнаженным в объятиях другого мужчины?

— Тише, я помогу тебе очиститься. Здесь есть вода. Будет немного больно, не бойся, я буду осторожен.

Свежие обиды наслоились на старые. Чем нежнее звучал голос Цан Нуо, тем больше ярости он вызывал. Император, с детства обученный боевым искусствам, внезапно собрался и выбросил вперед руки, пытаясь выколоть пальцами глаза варвара.

Он надеялся на внезапность, но Цан Нуо, даже не глядя, перехватил его запястья и нажал на болевую точку, заставляя Императора обмякнуть в его руках.

— Чжэн-эр, будь послушным. Выколешь мне глаза — я больше не увижу твоей красоты.

Император понимал, что в открытом бою ему не справиться. Пришлось терпеть, пока тот омывал его тело. Цан Нуо бережно одел его, надел сапоги, а затем, подняв драконий халат, тяжело вздохнул:

— Как не хочется, чтобы ты снова надевал это.

Несмотря на слова, он аккуратно накинул халат на плечи Императора.

Ярко-желтое императорское облачение казалось особенно ослепительным в мерцающем свете свечей. Вышитый на нем дракон, разинув пасть и выпустив когти, словно замер в прыжке, внушая священный трепет.

Император, наконец прикрывший наготу, ощутил, как внутри него закипает ярость. Он холодно уставился на Цан Нуо. Эту обиду он обязан был смыть, и в голове его завертелись думы: что еще задумал этот варварский принц, совершив столь тяжкое преступление? Любой разумный человек понимал: врага нужно уничтожать на корню. Кто знает, быть может, Цан Нуо прямо сейчас, не выходя из этой комнаты, решил покончить с ним навсегда.

При этой мысли он поднял глаза и внимательно осмотрел Цан Нуо.

Взгляд Цан Нуо был прикован к императорскому халату. В его глазах читалась глубокая

печаль, а спустя мгновение промелькнула жалость. Он пробормотал:

— Облачаясь в это, даже самый достойный человек со временем превращается в узника собственного величия. Хорошо, что у меня есть старший брат, и мне не нужно занимать трон киданьского хана. Чжэн-эр, мне даже жаль тебя.

Император опешил. Что за бред он несет?

Прежде чем он успел что-то предпринять, Цан Нуо властно притянул его к себе и, поглаживая по спине, прошептал:

— Не печалься. Я буду рядом. Так же, как Юлан сопровождает твоего Девятого брата, я буду верно сопровождать тебя.

Император ненавидел его всей душой, сжимая зубы от ярости, но эти слова вонзились в сердце, словно острое шило.

Чжэн-эр.

Буду рядом...

В ушах зазвенело. Император не слышал, что еще говорил этот человек. Собравшись с силами, он тряхнул головой, и туман в сознании начал понемногу рассеиваться.

Хотя видимых ран не было, внизу живота нестерпимо жгло. Воспоминания о том, как его опоили, сорвали одежды и обесчестили, нахлынули волной, и он впился зубами в губу до крови.

Такое неслыханное унижение! Если он переживет эту ночь, то обязательно отомстит.

Внезапно его пробрал озноб. Придя в себя, он обнаружил, что остался в комнате один. Свечи оплывали, отбрасывая дрожащие тени, и лишь его одинокая фигура застыла в кресле. Цан Нуо ушел.

Ноги постепенно обретали чувствительность, он уже мог бы позвать на помощь, но Император продолжал сидеть не шелохнувшись.

Все случившееся казалось дурным сном. Разве не киданьская делегация просила об аудиенции? Прием, пир, прогулка по саду, осмотр даров — как он оказался здесь, один на один? Как он мог позволить раздеть себя, лежать на полу и быть игрушкой в чужих руках?

Чжэн-эр — может, это название какого-то изящного музыкального инструмента Небесной

Династии?

Императора пробила дрожь.

Он — правитель великой державы — был осквернен под мужчиной. Он отчетливо помнил, как его семя, то самое, что наложницы называли священным нектаром, было извергнуто на живот этого варвара.

Внезапно плотно закрытые двери распахнулись, впуская лунный свет.

Император, пребывавший в смятении, вскочил и выкрикнул:

— Кто здесь? Кто?!

— Ваше Величество? Это я, ваш брат. — Девятый князь, явно ошарашенный необычно резким тоном Императора, замер на пороге. Оглянувшись на стоявшего позади Юлана, он услышал его шепот: — Я не лгу, он сам просил меня привести тебя. Правда.

Увидев знакомые лица, Император начал приходить в себя. К нему вернулось привычное самообладание, присущее властителю Поднебесной, для которого даже обрушение гор не должно стать поводом для смены выражения лица.

— О... — Император слегка кивнул, его бледные губы дрогнули. — Девятый брат, входи. — Он сдержанно опустил на место.

Резкое движение отозвалось острой, пронизывающей болью в местах, где еще недавно царило безумие. Император стиснул зубы, терпя мучения.

Случившееся было слишком постыдным, он не знал, как рассказать брату о столь нелепом происшествии. Как сказать, что их государь в стенах собственного дворца, под защитой верной стражи, был опозорен мужчиной?

Да и этот Юлан, прилипчивый, как банный лист, не оставлял ни единого шанса на откровенный разговор.

Девятый князь, заметив, что брат выглядит не так, как обычно — в нем смешались гнев, тревога и нечто труднообъяснимое, — обеспокоенно оглянулся на своего возлюбленного и осторожно спросил:

— Ваше Величество, вы просили меня прийти, есть ли какие-то распоряжения?

— М-м, ничего срочного. — Император ответил рассеянно. Его взгляд был направлен на Юлана, но в ушах по-прежнему эхом отдавался вкрадчивый голос Цан Нуо: «Как Юлан сопровождает твоего Девятого брата, я буду сопровождать тебя...»

Зрачки Императора, черные, как драгоценные камни, сверкнули. Он отогнал голос Цан Нуо и взглянул на брата:

— Ничего важного. Я...

Не я, а Чжэн-эр. Мой Чжэн-эр.

— Ваше Величество? — Девятый князь с тревогой смотрел на бледное лицо брата. — Вы выглядите неважно, не позвать ли лекаря?

— Нет, не нужно. Я просто утомился государственными делами.

Император вздохнул. Ноги затекли, в пояснице ныло. Но он был Императором — в мгновение ока он взял себя в руки, вновь надев маску холодного величия, и выдавил из себя улыбку:

— Я хотел попросить тебя завтра пораньше прийти во дворец, у меня есть дело, которое нужно обсудить.

Девятый князь, убедившись, что дело не касается Юлана, облегченно выдохнул:

— Слушаюсь, Ваше Величество. — Заметив состояние Императора, он добавил: — Отдохните, вы выглядите усталым.

— Хорошо. Поздно уже, ступайте.

— Слушаюсь.

Девятый князь, почувствовав, что брат не в духе, почтительно поклонился. Следом за ним неуклюже поклонился и Юлан. Боясь, что его оставят, он схватил князя за рукав, решив, что пора возвращаться, и затараторил:

— Сегодня такая луна, давай по возвращении не пойдем в спальню? Ты же обещал, что мы заберемся на вершину дерева!

Девятый князь смущенно покосился на Императора и поспешил увести Юлана прочь.

Как только они ушли, в комнате снова воцарилась тишина. Император нахмурился и,

убедившись, что никого нет, тихо застонал. Даже такой могущественный правитель на миг позволил себе проявить слабость.

Цан Нуо, мерзавец! Сказал, что травм нет. Разве может так болеть, если нет ран?

На лице Императора отразился гнев:

— Стража! Позвать Цуй Жушана! — Больше не сдерживаемый действием зелья, голос его звучал достаточно громко, чтобы стражники за дверью услышали.

Прежде чем Цуй Жушан вошел в покои, Император вновь обрел свою обычную холодность и невозмутимость.

— Цуй Жушан, ты достаточно отдохнул. Ты знаешь, я зову тебя только в крайних случаях. Я держу такого мастера, как ты, лишь ради безопасности. — Он смотрел на своего подданного, простертого ниц, и говорил неторопливо.

Цуй Жушан ударился головой об пол, и голос его прозвучал подобно удару колокола:

— Моя жизнь принадлежит господину. Какое бы ни было дело — большое или малое — я готов сложить голову, лишь бы исполнить ваш приказ.

— Хорошо. — Император, преодолевая боль, выпрямился. На его лице застыла полуулыбка. — Есть одно дело, которое ты должен выполнить втайне. Никто не должен ничего узнать. Сделай это сегодня же ночью.

— Слушаю и повинуюсь.

— Прoberись в Резиденцию киданей. — В глазах Императора промелькнула решимость, присущая лишь тем, кто стоит выше всех. Он чеканил каждое слово: — Убей принца Цан Нуо.

Цуй Жушан замер. Киданьская делегация прибыла в столицу, Девятый князь отвечал за их прием, а сегодня сам Император принимал их на пиру — все выглядело как проявление дружбы. Небесная Династия опасалась военной мощи киданей и всячески стремилась избежать конфликта. Почему же в такой ответственный момент нужно тайно убить принца?

Но он был человеком умным: воля императора непостижима, и лишь глупец стал бы задавать лишние вопросы. Он тут же ударил челом:

— Позвольте спросить, Ваше Величество, убить только Цан Нуо или всех членов посольства?

— Если кто-то помешает — убей и их. Но главное — смерть Цан Нуо. — Над головой Цуй Жушана словно сгустились грозовые тучи, голос Императора стал ледяным: — Помни, это должно выглядеть как разбойное нападение, и не должно иметь никакого отношения к императорскому двору. Сработай чисто.

Учитывая военную мощь киданей, гибель Цан Нуо была неизбежна, но Император не мог не заботиться о безопасности страны. Если принца убьют разбойники, вины Небесной Династии не будет. Стоит лишь отправить побольше золота и красавиц, а затем послать умелых дипломатов для объяснений — кидани вряд ли сразу пойдут войной. В конце концов, он всего лишь второй принц, а не наследник престола.

— Понял, господин. — Цуй Жушан низко поклонился и вышел, излучая смертоносное намерение.

Он был тайным убийцей, и Император прекрасно знал, на что способен этот человек. Цан Нуо не уйти от его клинка.

Проклятый киданьский дикарь!

Император издал тяжелый звук, не подозревая, что его привычная суровость сменилась живыми эмоциями.

Человек, посмеявшийся унизить его, стоял на пороге смерти. Это Небесная Династия, а он — Император. Думает, если его страна сильна, ему дозволено все? Смешно!

Из окна потянуло ночным ветром, и его пробил дрожь. Почему сегодня так холодно? Последствия зелья?

Вдруг он вспомнил, как Цан Нуо прижимал его к себе — от тела варвара исходил жар, словно от расплавленной лавы. Обнаженные, без единой преграды, они слились в пылком объятии.

Чжэн-эр, ты мой Чжэн-эр...

Голос Цан Нуо все еще звучал в комнате. Император вздрогнул, очнувшись от наваждения, и тихо вздохнул, глядя в пустоту.

Этот человек сегодня исчезнет.

Тот, кто обнимал его и называл Чжэн-эром.

Он должен умереть.



<http://bllate.org/book/21146/2144230>